

Театр до вешалки

Павел Отставнов

Павел Отставнов
Театр до вешалки

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Отставнов П. Н.

Театр до вешалки / П. Н. Отставнов — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Зачем нужен Театр? А зачем нужен воздух? Если можете жить без воздуха – живите! Можете жить без Театра – живите! Истинный Театр начинается с вешалки-виселицы. Вывесьте на виселице все пороки, всё злое в Вас. Затем освободите Душу от защитных одежд и оставьте их на вешалке. И если не можете жить без Театра, входите и смотрите нервно-паралитическую пьесу "Дни осени"...

ТЕАТР ДО ВЕШАЛКИ

Дорогой мой Читатель... Дорогой, именно и поименно дорогой! Всё, что я сейчас Вам расскажу, произошло на самом деле в году... Эка, братья-сестры, сколько лет уже пролетело! Но было, точно было. И кто мне не поверит, пусть первым плюнет в мою раскрытую и беззащитную сейчас Душу...

Итак! В то время моя первая Пьеса ожила, расправила все свои листочки-крылья и стала биться в тесной квартирке.

«Воздух здесь не хрустален, атмосфера не праздничная и простора нет, – взмолилась Пьеса, – а мне летать охота на глазах у чуткого и благодарного Зрителя!»

Ну, что же прикажете с Ней делать? Смотреть, как погибает от тоски? Зверь я что ли? Нет, нет, я – кто угодно, но не душитель прекрасных порывов.

Взял я свою любимую, такую тоненькую и трепетную, на руки и сам понес чужим людям. Понес в Театр, туда, куда и устремлялась моя молоденькая и наивная Пьеса.

О, Театр! Знаете ли Вы, что такое Театр? Вы знаете. А Вы? Нет?

Не знали в то время Театр ни моя Пьеса, ни я, Её Автор...

Не знали и тряслись от страха! Как там примут нас? И примут ли вообще? А может быть и в двери не пустят?

Но, о чудо, впустили, вполне любезно встретили, и даже сопроводили сразу к режиссеру.

– Иррин – улыбаясь, представился пожилой, худощавый мужчина.

– А я – Автор...

– А я, знаете, как-то догадался... сразу. Ой, что это у вас... красивая какая!

Я, друзья мои, надо пояснить, придел Пьесу свою. Купил Ей красивый такой, как это сейчас говорят... а, «прикид». Ну, в самом деле, на люди собрался вести, не неприкрытую же, белую... Эдак и замарать могут. Нет, облачил в яркий, голубенький с красными полосками... э... как это... «прикидон»? Тьфу, ну и словцо! Нет, облачил я Её в яркий наряд!

И режиссер тоже «восторгнулся»... и, вот неожиданность, сразу хват за Пьесу.

«Ну, ты брат, какой бесцеремонный! Даже руки не помыл!» – думал я и не отпускал свою «кровиночку».

Так и тянули: дядька к себе, но и Автор не сдавался...

Покраснел от усилия режиссер и прокряхтел:

– Да не бойтесь вы, столько их уже через меня прошло...

«Вот этого и боюсь больше всего! Пьеска совсем хрупкая, а этот... Ишь, ручищи какие большущие, загребушие!» – думал я. Но постепенно успокоился, пригляделся. Нет, конечно, на маньяка или соблазнителя опереточного Иррин не походил. Наоборот, в целом вид у него был благообразный и даже одет был не в смирительную рубашку. Но ситуация была знакомая. Да, была и раньше у меня томительная минута принятия сложного решения: «Отдавать или нет?»...

...Отдавали ли Вы свою дочурку единственную замуж.. Тьфу! Слово-то какое, люди, вчитайтесь, не бойтесь правде в глаза посмотреть. «За... муж...» «За мужика» грязного, значит!

Я её растил, холил, берег... Чистую такую, прекрасную... И вдруг... и как снег на голову... и как удар мне по материнскому, тьфу, отцовскому месту... тьфу, чувству... является ОН... Как черт является и собирается уволочь безгрешную девичью душу!

И заметьте, все знают, зачем он явился, этот... Знают, но молчат!

И я промолчал, и я отдал кровиночку свою...

Сейчас уже пятнадцать лет они прожили, дети бегают, внуки мои...

Прочитал сам себя сейчас... Я ли это написал? Это же одержимый какой-то, хозяин рабыни, собственник любимой Вещи написал! Господи, пусть у семейства дочурки будет всё хорошо, жизни своей не жалко для этого...

...Ну-с, успокоимся и продолжим. Отдал я Пьесу свою Ирыну! Отдал... Это же неизбежность. Ей же дальше надо жить. А жизнь Пьесы – это переход к другим людям. Автор родил – спасибо. Но жизнь Пьесы с Автором – это... как бы точнее... это... это «инцест»! Да, по другому не скажешь... Это извращение движения и развития искусства...

Ну, короче говоря, вздохнул тогда я, и отдал. Ирьин сразу свернул Пьесу в трубочку (как Душу мою завернул! Аж, больно стало! По листочку писалось, каждая буковка выверена... А он – так небрежно!).

Ах, друзья, плохо мне вдруг тогда сделалось. Как-то нехорошо и злобно на душе. Он сворачивает Пьесу, а я зверею... Чуть не бросился отнимать, да режиссер немного успокоил:

– Прямо сегодня и прочитаю. Затем подумаю с неделку, и с вами свяжусь...

Шел я домой, а ноги обратно за Пьесой несли. Как до квартиры добрался? Смутно помню. Но помню точно, что всю ночь не спал, а бегал по комнате и переживал: «Что же там, с Пьесой моей, мужик этот делает?»

Утром я не выдержал и позвонил в Театр. И знал, что рано... И знал, что глупо и мало-душно поступаю... Но все ж позвонил и попросил позвать режиссера.

Не поверите, но Ирьин сразу трубку взял и... И просто огорошил меня:

– Не понял... Не понял, как здесь, в нашей глуши, такое шекспировское напряжение родилось! Уже и ведущий актер Чугунов посмотрел и сказал сразу: «Я – это „Он“ в Пьесе!» А я уже вижу, как это все заживет в пространстве нашей сцены. Да – это Пьеса для нашего Театра. Все детали обсудим в конце недели. Мы вас обязательно пригласим. Дорогой, поздравляем, Вы – наш Автор!

Сказал он это и положил трубку. А у меня как будто «вакуумная» бомба разорвалась внутри! Полная пустота образовалась! Осел я на стул, «вакуум» стал стремительно заполняться мыслями, и унесло меня куда-то...

...Увидел я, как бы со стороны, то ли себя, то ли какого-то другого молодого человека. Юноша этот медленно шел, озираясь, по огромному полутемному зрительному залу. Шел мимо затянутых в красный, уютный бархат пустых кресел к сцене. А сцена вся светилась каким-то волшебным образом. Как будто все предметы, детали на ней сами себя подсвечивали и притягивали взгляд удивительной загадкой внутреннего огня!

От центра сцены начинались ступени монументальной лестницы, ведущие, судя по колоннам и величественности, в Храм. Последние ступени и колонны Храма скрывались в клубах облаков. На нижней ступени лестницы стояла конструкция, в которой на общем основании были расположены: с одной стороны – вешалка; с другой стороны – виселица.

Молодой человек поднялся на сцену и подошел к лестнице. На самом её верху из-за колонн появился Феномен в балахоне, берете и с дирижерской палочкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.